

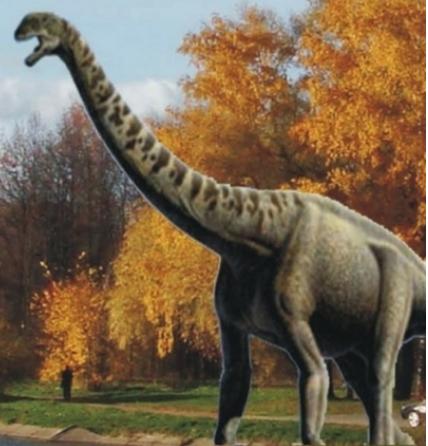
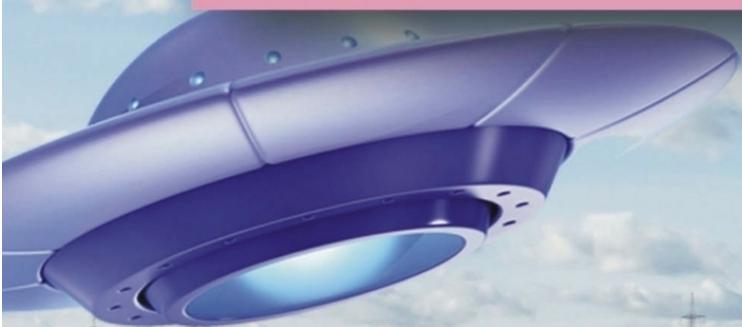
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

или

Тайна кузьминского экстрасенса

12+

Сергей Михайлов

**Шестое чувство, или Тайна
кузьминского экстрасенса**

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Михайлов С.

Шестое чувство, или Тайна кузьминского экстрасенса /
С. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 1990

Николай Николаевич Нерусский, среднестатистический житель планеты Земля, по воле инопланетных экспериментаторов с планеты Большое Колесо наделён «шестым чувством» – телепатией. Не навсегда, а лишь на время проведения эксперимента. И за это время с ним происходит масса невероятных, фантастических и вместе с тем весёлых приключений. А пока длится эксперимент, учёные с Большого Колеса пристально наблюдают за поведением избранного ими типичного землянина. Ведь теперь для него открыты мысли любого человека! Как он справится со своей миссией? И как распорядится уникальной способностью? В оформлении обложки использована фотография и коллаж автора.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвёртая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Посвящаю моей дочери Екатерине

Глава первая

Клёва не было. Так, мелочь какая-то барахталась в садке, крупная же рыба на крючок не шла. Я тупо смотрел на поплавок и ёжился от холода. Стояла середина мая, и, хотя днём уже припекало по-летнему, ночи были ещё холодными.

Было около пяти утра. Костёр догорел, лишь тонкие струйки дыма поднимались от ещё не остывших углей. Густой туман стлался над водной гладью, скрывая противоположный берег. В такие минуты возникает ощущение одиночества и покоя.

Считая себя заядлым рыболовом, я все выходные проводил на Истринском водохранилище с удочкой в руках. Более уделяя внимание процессу рыбной ловли, нежели её результатам, я мог часами сидеть не шелохнувшись и смотреть на поплавок. И всё же, когда приходилось возвращаться домой пустым – мелочь я всегда выпускал, – я всякий раз зарекался: «Всё! Баста! Пропави она пропадом, эта рыбалка! Ноги моей здесь больше не будет!» Но каждый раз я возвращался сюда, и всё повторялось снова. Словом, мне хронически не везло.

Этот раз не был исключением. Чтобы как-то взбодрить себя, я уже дважды прикладывался к бутылке с огненной жидкостью, но пользы это не принесло. «Хоть топись!» – думал я, с тоской глядя на играющую в воде рыбу.

К семи часам туман рассеялся. Стало заметно припекать.

Откуда-то издали послышался нарастающий шум.

Солнечный луч, пробившись сквозь листву, упал на мою лысину. Машинально проведя по ней ладонью, я в страхе отдернул руку. Моей замечательной, ухоженной лысины и в помине не было, на её месте пробивалась жёсткая щетина. Я резко обернулся. В глаза ударил синий солнечный луч, а из ближайших кустов полилась ария Марии Магдалины в исполнении Михаила Боярского. Весьма озадаченный, я встал и направился к поющим кустам. Музыка доносилась из огромного муравейника. Я наклонился, чтобы лучше рассмотреть его, и... и тот же миг из муравейника высунулась волосатая рука о шести перстах, унизанных кольцами с натуральными изумрудами, и больно ущипнула меня за нос.

– Ой! – отпрянул я, хватаясь за нос, который буквально на глазах распух и посинел. В мозгах началось какое-то шевеление.

Непонятный гул заметно усилился.

Всё это начинало действовать мне на нервы. Дело принимало скверный оборот, надо было немедленно сматывать удочки. Ко всему прочему сильно зачесалась голова, причём чесалась она изнутри. Как я ни скрёб её, как ни пытался унять зуд, всё было напрасно.

«Так. Или я свихнулся, или это проделки Фикса», – решил я, сам до конца не сознавая, что же именно я понимал под проделками последнего.

У костра всё было по-прежнему, только возле рюкзака важно вышагивала большая рыжая ворона и нагло лыбилась.

– Кыш! – крикнул я ей сердито.

Ворона взмахнула крыльями, но не улетела, а села на палатку. Краем глаза я увидел, как дёрнулся и стремительно пошёл под воду поплавок. Я едва успел ухватиться за удочку. «Видать, здоровенная взяла», – обрадовался я, забыв обо всём на свете.

– Не иначе, – каркнула рыжая ворона и шмыгнула клювом.

– Что? – не понял я, но тут леска резко натянулась. Я упёрся ногой в гнилое, покрытое древними трутовиками, бревно, пытаюсь сохранить равновесие. Удилище выгнулось дугой, леска зазвенела, как струна, раздался треск... и я плюхнулся навзничь в потухший костёр. Из воды высунулась мерзкая акуля морда, лягнула зубами у самого моего носа и скрылась, обдав меня смрадным дыханием.

– Так его! – злорадно прокаркала ворона и сплюнула в котелок с остатками ужина.

– Стерва, – выругался я, замахиваясь на эту рыжую каналью.
Гул всё нарастал.

Над горизонтом промчалась стая птеродактилей. У берега забурлило, и из воды показалась голова Несси. Чудовище сладко зевнуло, обнажив свою огромную пасть, нагло ухмыльнулось, чихнуло и исчезло в водовороте. Справа послышался шум мотора. Я обернулся и тут же присел. Прямо по воде нёсся немецкий «тигр», с переменным успехом ведя беглый огонь по птеродактилям. Танк сопровождала группа автоматчиков в форме дивизии «Мёртвая голова». Один из эсэсовцев обернулся в мою сторону и оскалил гнилые зубы. Резко пахнуло дихлорэтаном. «Зубы чистить надо», – зло подумал я, сверля эсэсовца взглядом. Тут же вынырнула Несси, схватила фашиста поперёк туловища и скрылась под водой с добычей. На другом конце водохранилища взметнулся огромный хвост лох-несского чудовища, ударил по воде и тоже скрылся. Надо заметить, что трагическая гибель эсэсовца меня несколько не тронула. Собственная судьба волновала меня гораздо больше.

Странный гул перерос в рёв.

В воздухе почувствовалась вибрация, солнце стало зелёным. Рыжая ворона взвыла по-волчьи. «Конец света», – решил я и потянулся за рюкзаком.

– Не иначе, – твякнула ворона и истово перекрестилась.

Дрожащей рукой я выдернул из рюкзака «чекушку», случайно глянул на этикетку и завыл, подражая вороне. На этикетке значилось: «Ацетон», и чуть ниже: «Принимать по столовой ложке три раза в день».

– Эх! – рявкнул я от досады и метнул бутылку в безбрежные воды Истринского водохранилища. Раздался взрыв, я зажмурился.

– Сюда идёт цунами, – возвестила ворона дурным голосом.

Я открыл глаза и с ужасом увидел, что на месте взрыва выросла высоченная волна, стремительно несущаяся к берегу. Я вскочил и бросился в лес, но куда там! – волна настигла меня, повалила и накрыла с головой. Вымокший до нитки и обиженный до глубины души, я поднялся, вытряхнул из кармана семейство медуз и вдруг, словно ошпаренный, припустился бежать – прочь от этого жуткого места.

Из-под ног шарахались змеи и сколопендры, вслед хохотала рыжая ворона, но я ничего этого не замечал. Меня оглушил страшный рёв, который достиг невероятной силы и всё продолжал усиливаться. Испуганный питон при виде меня прикинулся шлангом и жалобно заскулил.

– Фу, нечисть!.. – выругался я, не слыша собственного голоса.

Ветви деревьев и кустов больно хлестали меня по лицу и рукам, цеплялись за одежду, но остановить меня были не в силах.

Внезапно лесополоса кончилась. И тут же наступила мёртвая тишина.

Передо мной было картофельное поле, вспаханное, видно, совсем недавно. Над ним зависло некое сооружение неземной конструкции. «Так. Кажется, НЛО», – едва успел подумать я, как сзади раздался шорох. Из кустов вылез древнего вида старикан с сизым носом и «беломориной» в зубах. От него за версту несло перегаром.

– Выпить есть? – прошамкал старикан без лишних предисловий.

«Мираж», – решил я и дёрнул старикана за ухо. Ухо было грязным и настоящим.

– Но-но! – взъерошился старикан и встал в боевую стойку. – Полегче! Рукам волю не давай! Если, значить, выпить попросил, так можно и за уши хватать? Нету такого права, чтоб за уши... За такие шутки и схлопотать недолго! Ферштейн?

«Нет, вроде настоящий», – решил я.

Тут старикан увидел НЛО и радостно осклабился.

– Прилетели-таки, голубчики! Давно я их, значить, жду, с самой субботы.

– Как это? – удивился я.

– Да очень просто. Я, значить, как в пятницу поддам, – старикан многозначительно щёлкнул себя по немытому кадыку, – так они, голубчики, в субботу и заявляются. Каждую неделю, черти, слетаются, словно пчёлы на мёд, и всё время разные. Но чаще бывают... такие, знаешь... в форме бутылки «ноль-восемь», из-под вермута. Этот я, правда, в первый раз вижу, чудной какой-то...

«Так. С этим всё ясно, – подумал я. – До чертей допился».

В это время раздался скрежет, в нижней части НЛЮ открылся люк, и к земле устремилась лента верёвочной лестницы. Я насторожился

– Смотри-ка! – удивлённо воскликнул старикан. – Явились – не запылились... Такого я ещё не видал.

Из люка показалась нога пришельца в лакированном ботинке. Я повернулся и бросился бежать к своей палатке.

«Будь оно всё неладно! – в сердцах бормотал я. – Домой! Скорее домой! К дьяволу эту рыбалку!»

– Эй, парень, стой! – послышался сзади дребезжащий голос словоохотливого старикана-алкаша. – А как же насчёт выпить?

– Иди ты!.. – процедил я сквозь зубы, с разбегу нырнул в палатку и начал сворачивать спальный мешок. Когда с мешком было покончено, я попытался было выбраться наружу, но у входа в палатку уткнулся головой в пару лакированных ботинок и чьи-то ноги в них.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! – услышал я в ответ на свой немой вопрос.

Глава вторая

Я поднялся. Передо мной стоял странный субъект в безупречной тройке, лакированных ботинках и с золотыми часами на цепочке в жилетном кармане.

– «Павел Буре», – пояснил он, перехватив мой взгляд, и похлопал по карману.

Роста субъект был выше среднего, худощав, не молод, но и не стар, и всё было бы ничего, если бы не его лицо. А лицо его, надо сказать, мне сразу как-то не понравилось. Во-первых, бросалось в глаза полное отсутствие подбородка, уши торчком, лоб слишком высок, бровей вообще не было, а глаза... Глаза незнакомца пронизывали насквозь и, казалось, светились изнутри. Это во-вторых. Волосы пепельного цвета были коротко острижены.

– Я вижу, осмотр закончен. Давайте, Николай Николаевич, сразу перейдём к делу.

Говорил он каким-то металлическим голосом. Так мог бы говорить робот, обученный человеческой речи.

Незнакомец улыбнулся.

– Прошу меня великодушно извинить за мою не совсем правильную речь, – произнёс он. – Ведь вы – первый человек на этой планете, с кем мне приходится беседовать. Просто я ещё не привык.

Каков, а? Он, видите ли, ещё не привык! На всякий случай я сделал шаг назад. Уж больно не вязался subtilный вид этого субъекта с пейзажем Истринского водохранилища. Гораздо уместней он сейчас выглядел бы где-нибудь на приёме у министра культуры или, в худшем случае, у его зама. Словом, нелепица какая-то. Что-то было явно не так.

– Вы... вы, собственно, кто такой? – поинтересовался я, желая удовлетворить своё законное любопытство, когда обрёл, наконец, дар речи. – Откуда вам известно моё имя?

Незнакомец продолжал улыбаться.

– Я вам сейчас всё объясню. И развею все ваши сомнения. Только прошу вас, пожалуйста, не бойтесь меня.

Я пожал плечами, повернулся к странному типу спиной и принялся собирать палатку.

– Вот ещё! С чего вы вообще взяли, что вас кто-то боится? – бодро ответил я, хотя сердце моё сжалось от дурных предчувствий.

«Интересно, – подумал я, – этот тоже выпить попросит? А может, он просто самый обыкновенный псих? Про какую-то планету говорил...»

Незнакомец рассмеялся.

– Да нет, выпить я у вас не попрошу, у меня этого добра и без вас хватает. И насчёт состояния моей психики вы тоже не правы, любезный Николай Николаевич. Я ведь... – Странный тип замялся, одёрнул пиджак и торжественно произнёс: – Уважаемый Николай Николаевич! Позвольте в вашем лице поприветствовать всех жителей планеты Земля!..

– Что? – обернулся я в недоумении. Псих и есть, подумал я, с опаской отодвигаясь от него подальше.

– Вы первый житель Земли, – продолжал он, – с кем мы решили установить официальный контакт...

И тут мой мозг молнией прорезала мысль: а не тот ли это пришелец, чью ногу, показавшуюся из люка НЛЮ, я успел разглядеть, прежде чем ретировался с картофельного поля?

– Ну конечно же! – обрадовался он. – Тот самый! Теперь вы поняли, с кем имеете дело?

– А вы, часом, не шпион? – на всякий случай поинтересовался я.

– Часом, нет, – грустно улыбнулся пришелец. – Я, к вашему сведению, командир звездолёта. Мне поручено вступить с вами в контакт. И...

– Послушайте, – перебил я его, – вы так интересно всё говорите, и я даже склонен поверить вам – а почему бы, собственно, и нет? – и допустить, что это именно ваша тарелочка

зависла вон над тем полем. Всё это прекрасно. Но, послушайте, гражданин пришелец, и постарайтесь понять меня. Я человек маленький, неинтересный, ни в какие авантюры никогда не пускался, не считая, конечно, женитьбы. Веду тихий, размеренный образ жизни. Ну зачем, посудите сами, вам со мной вступать в контакт? Вступите в контакт с кем-нибудь другим, раз уж вам так приспичило, с учёным, скажем, или с политическим деятелем. Я-то зачем вам нужен? От меня проку, как от козла молока. Тем более, что мне сейчас всё равно некогда, я домой собираюсь. Я уже по горло сыт всей этой вашей чертовщиной. Вы знаете, что со мной приключилось?

– Знаю, всё знаю, – сочувственно проговорил незнакомец и нахмурился. – Но вы не волнуйтесь, Николай Николаевич, виновник будет наказан.

– Виновник? Какой виновник? – не понял я.

– Да мой бортинженер. Он у меня, знаете ли, большой шутник и непревзойдённый специалист по чёрной и белой магии. Ну ничего, это его последний рейс, я его предупредил.

– Магия? Вы что, хотите сказать...

– Ну да, вы подверглись воздействию магии, только вот не знаю – чёрной или белой, я ведь магией, чёрт бы её побрал, не интересуюсь, это всё мой бортинженер, будь он неладен... Вы уж меня извините, Николай Николаевич.

Я махнул рукой и стал собирать свои пожитки. Хороши шуточки, нечего сказать! Да за такие дела... Словом, рыбалка не удалась, и оставаться здесь больше не имело смысла. Пришелец стоял в стороне и понимающе улыбался, глядя на мои сборы.

– А по поводу того, уважаемый Николай Николаевич, с кем мне вступать в контакт, давайте дискутировать не будем. У меня приказ, и я его выполняю.

– Какой ещё приказ? – насторожился я.

– Доставить вас на нашу планету. Именно вас, Николай Николаевич, а не какого-нибудь учёного или политического деятеля.

– Что?! – возопил я, не веря своим ушам.

– Тише, тише, Николай Николаевич, не надо так волноваться. Вам абсолютно ничего не грозит. Я доставлю вас на нашу планету, там вас подержат с недельку, не больше, а потом я же вас – лично! – препровожу на Землю. Клянусь!

– Нет, нет и нет! – отрезал я. – И речи быть не может! Да вы в своём уме или спятили? Какая может быть планета? Дурдом какой-то! В конце концов, у меня жена, сын, квартира, работа, так сказать, любимая. Да меня просто уволят, если я недельку, как вы говорите, буду где-то там летать. Нет! Я выражаю категорический протест!

– Устал я от вас, – печально произнёс пришелец и сел на поваленный берёзовый ствол. – Неужели у вас нет ни капли любопытства? Ведь земляне так любознательны. А по поводу неприятностей дома и на работе можете не беспокоиться: устройте всё в лучшем виде.

– Да уж вы устройте! – огрызнулся я.

– Клянусь! – горячо воскликнул он. – Никто ничего не узнает. Да в наши планы и не входит рассекречивание своей деятельности именно сейчас. Вы – единственный человек, которому мы решили довериться. А вы ломаетесь, словно красна девица. Полетели, а?

Я отрицательно замотал головой, хотя и без прежней решительности. Палатка, рюкзак, рыболовные снасти были уложены и в ожидании сгрудились у потухшего костра.

– Николай Николаевич! Соглашайтесь! – умолял командир звездолёта. – Не пожалее.

Моя замечательная, вновь обретенная лысина покрылась капельками пота от напряжённой работы мысли. Я нервно ходил у самой кромки воды и не знал, как отделаться от этого типа. Лететь я никуда не хотел. Внезапно я остановился и сел рядом с ним.

– Да поймите, наконец, гражданин гуманоид, – произнёс я, оправдываясь, – не для меня всё это. Вот лет так двадцать назад я бы вас и сам отсюда не выпустил, если бы вы отказались взять меня с собой. А сейчас... Слишком я привык к спокойной, размеренной жизни.

– К прозябанию, – уточнил пришелец, вздохнув.

– Да ну вас!

– А как же иначе? Прозябание и есть. С работы – домой, из дома – на работу. Замкнутый круг, и нет из него выхода. Единственное, на что способны, – раз в неделю на рыбалку съездить. Но чтобы дальше – ни-ни! Вы где-нибудь, кроме Москвы, бывали?

– Ну как же! Крым, Кавказ, Прибалтика...

– Давно?

– Да... нет... в Прибалтике – лет пятнадцать назад, в Крыму... не помню.

Я чувствовал, что крыть мне нечем.

– Вот-вот, не помните. И крыть вам, действительно, нечем. А ведь живёте в огромнейшей стране. Жизни не хватит, чтобы её всю объехать. А вы... Вы на Урале бывали?

– Нет...

– Почему?

– Да всё работа... как-то не пришлось.

– А отпуск? Ведь у вас отпуск – двадцать четыре рабочих дня, плюс отгулы за ДНД, ДПД, день донора, работу в колхозе и тому подобное. Дней сорок – сорок пять в году набирается. И что, не хватает времени страну повидать? Никогда не поверю! Понимаю, конечно, на отпуск обычно откладывается ремонт квартиры, строительство дачи, всякие прочие домашние дела. Но ведь не каждый же год! А всё почему? Потому что и здесь всё тот же замкнутый круг. Все куда летом едут? На юг! И вы – туда же! А там и без вас уже полстраны животы свои на солнце греет. И никак вам из этого круга не вырваться. Потому как засосала вас привычная, размеренная жизнь... Ну что, летите?

Я вытер платком вспотевшую лысину и смущённо произнёс:

– Не могу я. Да и не готов сейчас к этой поездке... к этому полёту. Поймите меня.

Пришелец безнадежно махнул рукой, резко встал, достал часы из жилетного кармана, щёлкнул крышкой, присвистнул и властно сказал:

– Всё! Больше я ждать не могу. Мне очень жаль, но придётся применить силу. Собирайте вещи и следуйте за мной. У меня приказ доставить вас на нашу планету, и не выполнить его я не могу.

– Нет! – завопил я в ужасе. – Это произвол! Не имеете права! Я буду жаловаться в ООН!..

Я осёкся под пристальным взглядом командира звездолёта. Взгляд обжигал лицо, пронизывал до самых кишок.

– Не имеете... – выступил было я, но тут же взвалил на спину рюкзак, палатку, подобрал рыболовные снасти и, ни слова не говоря, зашагал прочь от водохранилища. Ноги сами несли меня к звездолёту. Воля моя была парализована. Сзади в полном молчании шёл пришелец и буравил мою спину всесильным, немигающим взглядом.

– Я очень сожалею, Николай Николаевич, что пришлось применить силу, но другого выхода у меня не было, – оправдываясь, произнёс командир звездолёта, когда мы вышли к картофельному полю.

Я молчал. Язык не ворочался, прилип к горлу, мысли отсутствовали. Влекомый чужой волей, я шёл по свежевспаханной земле к трапу звездолёта.

Всего несколько минут потребовалось, чтобы подняться на борт «неопознанного летающего объекта». Как только люк захлопнулся, заработали двигатели. Чьи-то руки заботливо сняли со спины рюкзак и палатку. Я обернулся, но ничего не смог разглядеть в темноте. Мягкая волна тёплого воздуха прошла по моему лицу, послышалось мерное, тихое жужжание. Вспыхнул свет.

Глава третья

Просторное помещение в виде цилиндра, увенчанного высоким куполом, представилось моему взору. Часть стены была занята стеллажами с книгами, а слева и справа от стеллажей удачно расположилось десятка два неземных картин, удивительных, чудесных и необычных одновременно. Массивные бархатные портьеры скрывали значительную часть стены и придавали комнате респектабельный вид. Помещение заливал мягкий голубоватый свет, нежные, чуть слышные звуки, напоминающие музыку и навевающие сон, таяли в воздухе. Мебели почти не было, лишь несколько глубоких кресел да небольшой журнальный столик под изящным торшером – вот и вся нехитрая обстановка этого странного помещения.

В одном из кресел сидел командир звездолёта и лениво перебрасывал большие листы какого-то красочного, со вкусом иллюстрированного журнала.

– Добро пожаловать на наш звездолёт! – отложив журнал в сторону, сказал он и приветливо улыбнулся. – Чувствуйте себя здесь как дома.

– Хорош дом! – проворчал я в ответ. Чувство глубокой обиды не проходило.

И тут меня прорвало.

– Вы террорист! – завизжал я фальцетом, гневно вращая глазами. – Вы мафиози! Такие, как вы, убили Альдо Море и Улофа Пальме! А Кеннеди? Зачем вы убили Кеннеди? Он вам что – дорогу перешёл?

Далее я понёс такую чепуху, что всякий нормальный человек не выдержал бы и минуты, но командир звездолёта был исключительно гостеприимным хозяином: он терпеливо слушал и лишь вежливо улыбался.

Выговорившись, я тяжело рухнул в кресло и вытер со лба пот.

Командир встал, подошёл к стене и раздвинул портьеры.

– А теперь, любезнейший Николай Николаевич, соблаговолите взглянуть сюда.

Портьера скрывала средних размеров окно, или, как говорят в таких случаях, иллюминатор. За толстыми стёклами царил чёрная пустота бездонной ночи со светящимся голубым шаром посередине.

– Что это? – почему-то шёпотом спросил я, смутно подозревая истину.

– Это ваша Земля, – как бы невзначай ответил командир, снова берясь за журнал.

Я бросился к окну. Передо мной действительно была Земля. И хотя я никогда не видел её вот так, сразу, всю целиком, я её узнал. И узнал бы, наверное, среди тысяч других таких же шариков, узнал бы тотчас, и не глазами, а сердцем. Потому что в этот миг я понял, что какая-то невидимая нить, связывающая меня с чем-то очень родным и дорогим, натянулась и вот-вот оборвётся... Голубой шар заметно уменьшался в размерах.

«Значит, это правда!..»

– Конечно, правда! – подхватил мою мысль командир. – Теперь вы, Николай Николаевич, надеюсь, поняли, что никакие мы не террористы...

– Самые настоящие террористы! – перебил я его – Вы космические террористы! Вы похищаете людей и продаёте их в рабство на соседние планеты. Уж не на Марс ли вы меня везёте, чёрт побери?..

– Марс уже позади. Смотрите, да и вся ваша Солнечная система давно растаяла в бесконечности... Послушайте, Николай Николаевич, давайте поговорим серьёзно. – Тон командира стал суровым и решительным. – Наша встреча не случайна. Я прилетел именно за вами и именно вас я должен доставить на нашу планету. Таков приказ. Но, как я теперь убедился, своё согласие на этот полёт я дал слишком поспешно. Не думал, что мне придётся вступать в конфликт с совестью, а совесть моя на вашей стороне, хотя разум не в состоянии понять, почему вы противитесь столь редкой и, пожалуй, единственной в вашей жизни возможности

посетить чужую планету. Ну да Бог с ней, с возможностью. Уговаривать я вас больше не буду, потому что это бессмысленно. Ваши доводы меня не убедили и не убедят, так же как и мои вас. Давайте останемся каждый при своём мнении, тем более что не они сейчас руководят нашими действиями. Наши судьбы вершит Совет, его сила и мысль движут этим звездолётом, а я всего лишь исполнитель его воли. Приказ должен быть выполнен. Во что бы то ни стало. Я человек долга. Простите меня.

Последние слова прозвучали отрывисто и глухо. Командир звездолёта тяжело поднялся с кресла и подошёл к иллюминатору.

– Я ведь звёздный разведчик, а не боевик из группы захвата, – произнёс он тихим, печальным голосом, глядя в бездонную тьму. – Нет, больше на подобные авантюры я своего согласия не дам. Хватит! Третья сотня на исходе... – Он обернулся и вплотную подошёл ко мне. – Не так я представлял себе нашу встречу, любезный мой друг, совсем не так. Не думал я, что придётся увозить вас силой. Что ж, такова судьба... Ещё раз простите меня.

Я смутился. Мне стало искренне жаль его.

– Ну, будет вам, – проворчал я с чуть заметными нотками сочувствия в голосе. – Что ж, я понимаю... Приказ... Что ж... Сам в армии служил... Святое дело... Приказы надо выполнять...

– Вы правда не сердитесь на меня? – обрадовался командир, порывисто хватая меня за руку. – Вы ведь понимаете, что я не по своей воле... Но клянусь вам, вы не пожалеете об этом полёте! Это будет прекраснейшее путешествие! Вот увидите. Не верите?

Командир снова искрился улыбкой, отличное расположение духа вновь снизошло на него.

– Нет, почему же, верю, – пробормотал я, тупо уставившись в стену. – Ведь другого мне не остаётся...

– Вот и отлично! Верьте! Верьте, Николай Николаевич, дорогой мой! Вы прекрасно проведёте время, ручаюсь вам! А пока мы ещё в пути, я поведаю вам кое-что о нашей планете. Вам это будет интересно.

– Валяйте. – Я устало махнул рукой и плюхнулся в кресло. Я сдался. А что мне ещё оставалось делать?..

– Итак, – начал командир звездолёта, устраиваясь в кресле напротив меня, – наша цивилизация расположена на далёкой планете, которая вашей науке ещё неизвестна...

Более часа длился рассказ звездолётчика. Сначала рассеянно, а потом всё более и более увлекаясь, внимал я ему. О своей планете, которую командир называл почему-то Большим Колесом, он говорил с упоением и чувством нескрываемой гордости. Выяснилось, что обе планеты – Земля и Большое Колесо – практически почти ничем не отличаются друг от друга. Их радиусы, масса, химический состав – всё было схожим, различия заключались лишь в незначительных деталях.

– И нет в этом ничего удивительного, дорогой Николай Николаевич, – продолжал командир звездолёта. – Наши звёздные системы имеют одинаковую структуру и похожи друг на друга так, как могут быть похожи лишь единоутробные близнецы. И это несмотря на огромное расстояние, отделяющее их. Наше Солнце имеет девять планет, и Большое Колесо, так же как и ваша Земля, вращается по третьей от центра орбите. Наш год равен вашему, а сутки – вашим суткам. Ну а теперь скажите мне, дорогой Николай Николаевич, почему наши планеты, столь похожие с точки зрения астрономической науки, должны отличаться по другим параметрам? Не знаете? Так я вам отвечу. Они не только не должны отличаться, они *обязаны* быть одинаковыми. Посудите сами, Николай Николаевич, Вселенная создала совершенно одинаковые предпосылки, например, для возникновения жизни на наших планетах, а это значит, что сама жизнь, её формы, темпы развития, эволюция, разум, наконец, должны быть если не совсем идентичными, то близкими к этому. А почему? Да потому, что одни и те же причины вызывают

одинаковые следствия. Это закон природы. А отсутствие у нас бровей или, скажем, подбородка – это, так сказать, небольшой штрих к портрету, вольность художника, коим является Природа. Таких мелких отличий у нас множество, но в общем мы похожи, это вы должны себе уяснить, дорогой мой Николай Николаевич...

Дверь бесшумно ушла в стену, и на пороге возник высокий человек в синем комбинезоне. Он был молод, черноволос и широкоплеч, глаза его светились лукавством. Отсутствие у него бровей и подбородка делали его похожим на моего гостеприимного хозяина, будь он неладен...

Командир устремил на вошедшего гневный взгляд и не отрывал его с полминуты, лишь высокий лоб его порой хмурился, да пальцы рук нервно выбивали дробь по пластиковой поверхности столика. Молодой инопланетянин стоял, смущённо потупив взор, и изредка вскидывал на командира виноватые глаза. Но вот обмен взглядами окончился, командир кивнул, и молодой человек бесшумно удалился.

– Вот он, голубчик, – сказал командир, когда мы вновь остались вдвоём. – Это тот самый бортинженер, о котором я вам говорил. Вы не волнуйтесь, Николай Николаевич, я его пропесочил, долго помнить будет.

– Да когда же вы успели? – удивился я.

Командир снисходительно улыбнулся.

– Николай Николаевич, какой же вы, право, ещё ребёнок. Вы что же думаете, две тысячи лет, которые нас разделяют, – так, пустой звук? Вы за свои сто лет вон что успели сделать. Ну вспомните, Николай Николаевич, каков был уровень развития вашей науки в конце прошлого столетия? Вспомнили? Появился первый паровой двигатель, заявило о своём существовании электричество, Дарвин создал теорию эволюции. А сейчас? Вы чувствуете, как далеко шагнула ваша наука? Могли бы вы в прошлом веке представить себе, например, такие понятия, как генетика, электроника, кибернетика, компьютер? Космос, в конце концов? А сейчас в этом каждый школьник разбирается. А ведь научно-технический прогресс не стоит на месте, он, как вам известно, ускоряется, и чем дальше, тем быстрее. Ни один ваш писатель-фантаст даже вообразить себе не может, что будет на Земле через две тысячи лет. Просто не хватит фантазии, настолько вы ещё примитивно мыслите. А ведь мы «обогнали» вас именно на такой срок. Мы – это вы через две тысячи лет. Так неужели вы, уважаемый Николай Николаевич, думаете, что наша наука, на несколько порядков превосходящая вашу, не в состоянии создать более совершенного способа общения, нежели обыкновенная человеческая речь? Ведь речь имеет массу недостатков, затрудняющих и замедляющих обмен информацией. Взять, к примеру, языковой барьер. Или трудность общения между людьми разного интеллектуального уровня, словарный запас которых во многом различен. Ведь что такое человеческая речь? Набор слов. А что такое слова? Символы, эквиваленты, с помощью которых человек пытается обозначить весь набор образов, мыслей, чувств и их оттенков, каких-то абстрактных понятий, заложенных тем или иным способом в его мозг. Но ведь слова не передают и десятой доли того, что хочешь выразить. Так не лучше ли исключить их из общения и передавать информацию напрямую, из мозга в мозг? Ведь тогда гарантируется полная достоверность информации, передаваемой одним собеседником другому. В вашем мозгу воспроизводится именно тот образ, который я хотел бы вам передать.

– Но ведь это же гипноз! – воскликнул я.

– Отнюдь. Гипноз предполагает подчинение воли одного человека воле другого. А в нашем случае – обыкновенная передача мысли на расстояние. Мозг – одновременно приёмник и передатчик информации. Он и у вас, землян, выполняет те же функции, но у вас обмен информацией происходит посредством ушей и речевого аппарата, мы же осуществляем этот процесс с помощью специальных рецепторов, которые, кстати, есть у каждого человека, и у землян в том числе. Другое дело, что вы не знаете, как ими управлять. Так вот, дорогой Николай Николаевич, люди на нашей планете уже более восьмисот лет пользуются этим необычным

для вас способом общения. Восемь веков назад наши учёные решили привить человечеству способность принимать и передавать мысли без слов. И лишь спустя долгие годы усердных трудов и поисков им, наконец, удалось добиться успеха. Новому способу общения начинали учить детей чуть ли не с рождения, и часто случалось так, что говорить и понимать человеческую речь ребёнок начинал позже, нежели напрямую общаться с мозгом родителей. А через несколько поколений эта способность проникла в аппарат наследственности, и теперь вместе с генами родителей передаётся потомству. Отпала необходимость учить людей новому способу общения (у вас он, кажется, называется телепатией?), дети рождались, уже владея им. Значение человеческой речи, а, следовательно, и слов, заметно уменьшилось. Люди замолчали, количество книг сократилось, театры и кинематограф опустели, а телевизоры вообще перестали включать. Дело в том, что нашей науке удалось разработать некое устройство, которое позволило записывать мысли, ну, скажем, на магнитную ленту, или передавать их по проводам. Включаешь утром радио, а оттуда бесшумным потоком льются чьи-то мысли, скажем, того же диктора, и рождаются в твоём мозгу одна картина за другой, и «видишь» ты всё это также отчётливо и ясно, как если бы сам присутствовал, например, при уборке урожая или при запуске космического корабля. А не хочешь радио, – пожалуйста, к твоим услугам магнитофон! Ставишь кассету с записью любимой книги и всё её содержимое как бы перекачивается в твой мозг, причём процесс этот протекает без единого звука. Разумеется, разговаривать мы не перестали, и книги у нас сохранились, кроме того, слова, являющиеся кирпичиками человеческой речи, совершенно упразднить нельзя, хотя на первых порах и предпринимались подобные попытки. В некоторых случаях слова незаменимы, к примеру, в большом городе без указателей и соответствующих надписей ориентироваться просто невозможно. Есть множество других примеров, когда слова являются единственным способом передачи информации. Но из общения между людьми они почти совершенно исчезли. Новый способ общения резко увеличил границы возможностей людей. Кроме того... Я вас не утомил, Николай Николаевич?

– Нет, нет! Что вы! – воскликнул я, чувствуя всё возрастающий интерес к словам инопланетянина. – Продолжайте, это очень интересно.

Командир улыбнулся.

– И всё же я вас утомил. Вы ведь голодны, не так ли? Можете не отвечать, я и так знаю, что голодны. Сейчас как раз время обеда, а посему я предлагаю вам перекусить. Как вы на это смотрите, Николай Николаевич?

Он был трижды прав: я был голоден, как волк.

– Да я вообще-то не прочь... Неудобно как-то, – неуверенно произнёс я.

– Да вы не стесняйтесь, Николай Николаевич! – Командир вскочил с кресла. – И не бойтесь! Кухня у нас отменная, и ресторан наш не из последних. Неужели вам не интересно, любезный гость, взглянуть, а заодно и отведать, кулинарное творение рук представителей иной цивилизации? По пути в ресторан мы могли бы осмотреть наш звездолёт. Ведь вас как инженера не может это не заинтересовать. Верно? Я, Николай Николаевич, перед вами в долгу, и теперь позвольте мне быть вашим гидом.

Дверь бесшумно отворилась, и командир звездолёта повёл меня по длинным коридорам, чем-то напоминающим мне моё родное НИИ. Любопытство взяло верх над всеми остальными чувствами, и я, осознав, наконец, всю неординарность ситуации, весь превратился в слух и зрение. Новый знакомый водил меня по звёздному кораблю, подробно и обстоятельно рассказывая об устройстве различных механизмов и приборов, объясняя принцип их действия и показывая их в работе. Бесконечные коридоры, повороты, лестницы, лифты, разного рода помещения, многокомнатные каюты для обслуживающего персонала – всё это создавало у меня впечатление о совершенно невероятных размерах космического корабля. Меня приятно поразило то обстоятельство, что большая часть звездолёта была отведена под помещения, обеспечивающие досуг и отдых звездолётчиков. Помимо персональных кают, имеющих все мыслимые и немис-

лимые удобства, моим глазам открылись огромная библиотека, кинозал, оранжерея, служившая одновременно и парком для отдыха, и даже плавательный бассейн.

– Вы, верно, заметили, Николай Николаевич, комфорту у нас уделено особое внимание, – сказал командир звездолёта, отвечая на мои мысли. – Но иначе нельзя. Ведь мы иногда годами не покидаем борта звездолёта, и для многих членов экипажа большая часть жизни протекает именно здесь, в Космосе. В частности, для меня. Здесь мой дом, а дом должен быть благоустроенным.

Я кивал, соглашаясь со своим проводником. И тут одна мысль вдруг пришла мне на ум.

– А как же невесомость? Здесь её совсем не чувствуется.

– Искусственная гравитация, – односложно ответил командир. – Это вы должны знать.

– Да, что-то такое слышал, – неуверенно пробормотал я, понятия не имея, что это за штука.

Мы двинулись дальше по коридору, освещаемому призрачным зеленоватым светом. Звук шагов тонул в мягких пластиковых полах, и идти было легко и приятно. Кондиционированный воздух освежал моё пылающее лицо, я неустанно вертел головой и уже порядком успел натереть шею о ворот своей куртки. Пахло фиалками.

Корабль словно вымер.

– А где же люди? – спросил я в недоумении.

Командир звездолёта улыбнулся – в который уже раз.

– Сейчас время обеда, и весь персонал собрался в ресторане. Кстати, ждут нас. Идёмте скорее, Николай Николаевич, я ведь вас ещё не представил.

Через пару минут мы вошли в великолепнейший ресторан. В канделябрах, вделанных в стены, горели свечи, в дальнем конце зала ненавязчиво тлел камин, отбрасывая слабые отблески на дубовые панели, покрывающие стены, на небольших столиках стояли изящные хрустальные вазы с голубыми розами в них, в воздухе носился и незримо присутствовал манящий аромат чудесных цветов и пряный запах отменно приготовленных кушаний. Около двадцати человек, среди которых было и несколько женщин, молча поглощали пищу. При виде командира с гостем все встали и склонили головы в вежливом поклоне. Командир обвёл зал пристальным взглядом и громко произнёс:

– Николай Николаевич Нерусский, первый человек с Земли, которому суждено посетить нашу планету. Прошу любить и жаловать. А это, – он обратился ко мне, обводя рукой зал, – наша команда.

– Они что, понимают по-русски? – удивился я.

Командир усмехнулся.

– Они понимают мои мысли, а речь предназначена для вас... Прошу садиться.

Мы расположились за свободным столиком, и тут же неведомо откуда выпорхнул бело-снежный официант и в мгновение ока заставил стол дымящимися кушаниями. Задвигались стулья, застучали вилки, и персонал вновь принялся за прерванную трапезу. Никто, казалось, не обращал внимания на гостя с другой планеты.

– Угощайтесь, Николай Николаевич, – сказал командир звездолёта, – вам понравится. У нас отменные повара. И пища вся натуральная, никаких консервов... Кстати, в отношении спиртного у нас запретов нет. Если хотите...

– А можно? – недоверчиво спросил я, почувствовав внезапную потребность промочить горло чем-нибудь горячительным.

– Отчего же нет!

– А что у вас есть?

– Всё! – командир сделал широкий жест руками. – И наши напитки есть, и ваших земных хватает... Коньяк? Водка? Бренди? А может, рейнвейн?

– Водку, пожалуйста, – почему-то смутившись, сказал я. – «Золотое кольцо»... если можно.

И как по мановению волшебной палочки на столе возникла непочатая поллитровка со знакомой этикеткой.

– Московского разлива, – прокомментировал командир. – Приступайте!

Обед, действительно, был неземным как в прямом, так и в переносном смысле. Никогда ещё не чувствовал я такого удовлетворения от процесса поглощения пищи. Особенно импонировало мне то, что командир не отказался составить мне компанию в распитии бутылочки огненной жидкости.

– За наше знакомство! – сверкая ослепительной улыбкой, провозгласил командир. Я ответил тостом за дружбу всех планет и миров, после чего трапеза возобновилась.

– Продолжим наш разговор, – сказал командир после того, как мы несколько утолили свой голод. – Теперь вы, надеюсь, знаете, уважаемый Николай Николаевич, каким образом я отчитал своего бортинженера, – вон он, кстати, сидит? Для этого совсем необязательно было подвергать и его, и ваш слух не совсем благозвучными словосочетаниями – он меня и так отлично понял... Ещё по одной? Ваше здоровье!.. Понимаете, Николай Николаевич, мозг людей у нас открыт друг для друга, но если человек хочет скрыть свои мысли от посягательства не совсем тактичных собеседников или даже лиц посторонних, то стоит лишь заблокировать свой мозг обычным мысленным приказом, и никто уже не в состоянии будет проникнуть в тайники его сознания. Многие так и делают, и я считаю это правильным, ибо на первых порах у нас появилось много любопытных, получавших огромное удовольствие от копания в чужих мыслях... Ваше здоровье!..

Откуда-то сверху полились чарующие звуки неземной музыки, и мысли мои сразу приняли иное направление.

– Но, согласитесь... э-э... как вас... – начал было я, но запнулся, смущённо опустив глаза.

– Какой же я осёл! – хлопнул себя по лбу командир. – Я же не представился! Какая бестактность!.. Арнольд Иванович, – слегка привстав со стула, церемонно произнёс он. – Страшно перед вами извиняюсь, дражайший Николай Николаевич, и терзаюсь мыслью о нанесённом вам оскорблении.

– Арнольд Иванович? – недоумённо спросил я. – Гм...

– Это земной аналог моего имени, – пояснил он. – Моё настоящее имя слишком сложно для вашего языка, да оно вам и не нужно. А вообще-то за мной закреплено несколько имён, для каждой планеты, населённой разумными существами, – своё. У нас все звездолётчики, общающиеся с другими мирами, имеют по несколько имён. Для вас я Арнольд Иванович... Так что вы хотели мне сказать, уважаемый Николай Николаевич?

– Согласитесь, Арнольд Иванович, – начал я, – человеческий голос таит в себе много прекрасного и, лишившись возможности слышать его, вы многое потеряли. Наша Земля знает множество талантливых певцов, их голоса мы слышим с самого раннего детства, это наша культура, наша гордость. И вы хотите лишить людей такой прелести? Может быть, уже лишили? Да что певцы! Сам по себе человеческий голос бесконечно красив и прекрасен, с его интонациями, оттенками, настроениями... Вы рационалисты, вы во всём ищите выгоду, удобство, забывая о прекрасном. Отметая слова, вы отменили и совершенствуемый веками человеческий голос. А речь? Как она красива в устах поэта или оратора! Далее, вы упомянули про языковой барьер. Но и здесь вы правы лишь наполовину. Что из того, что я не знаю итальянского? Зато с каким удовольствием я слушаю оперы Россини на его родном языке! А слабые познания в английском не мешают мне восхищаться голосом Джона Леннона или, к примеру, Давида Байрона. Ваши слова напомнили мне бытовавшие в начале века рассуждения о том, что с появлением кинематографа отпадёт необходимость в театре, а фотография вытеснит и уничтожит

живопись. Однако же они существуют! И будут существовать вечно, потому что это искусство, а в искусстве нуждаются как те, кто его создаёт, так и те, для кого оно создаётся, то есть люди.

Арнольд Иванович захлопал в ладоши и рассмеялся.

– Bravo, Николай Николаевич! Bravo! Не в бровь, а в глаз! Положили на обе лопатки. Вы правы, тысячу раз правы. Действительно, человеческий голос должен жить, в этом я с вами совершенно согласен. Были у нас в своё время перегибы в этой области, многие специалисты ратовали за то, чтобы полностью упразднить живую речь как пережиток прошлого. Но в конце концов восторжествовала точка зрения так называемых умеренных, совпадающая с вашей, дорогой Николай Николаевич. Вы правы, голос и живая речь необходимы как один из элементов эстетического воспитания человека. И поэтому у нас есть и опера, и эстрада, и фольклор.

Из общения между людьми речь тоже не исчезла бесследно, но здесь она используется в основном не для передачи информации, а, скорее, для выражения чувств, их оттенков, настроения. В последнее время у нас появилась тенденция к возврату былого значения человеческого голоса и речи. В конце концов у нас поняли, что необходимо рациональное сочетание обеих форм общения, и что эти формы должны не взаимоисключать, а дополнять друг друга.

– Вот это другое дело, – удовлетворённо хмыкнул я. – Так ещё жить можно.

– А вы молодец, – хитро подмигнул Арнольд Иванович, раскрасневшийся от выпитого спиртного, – прямо в точку попали... Ещё по одной?..

Время шло. Я чувствовал себя великолепно. Изысканный обед вкупе со спиртным поднял настроение, я расслабился и сам не заметил, как закурил. Спohватившись, я смутился и хотел было загасить папиросу, но Арнольд Иванович остановил меня жестом руки.

– Курите, курите, Николай Николаевич, я рад, что вы чувствуете себя здесь столь непри-
нуждённо. Теперь-то вы убедились, что я не враг вам?

Я с готовностью кивнул.

– Я рад, – продолжал Арнольд Иванович, – что смог заслужить ваше доверие, и буду просто счастлив, если заслужу вашу дружбу.

От переполнявших меня чувств я не мог произнести ни слова и лишь протянул руку через весь стол. Мы обменялись крепким рукопожатием. Надо сказать, мировой мужик оказался этот Арнольд Иванович.

– Рукопожатие двух миров, – прокомментировал этот факт командир звездолёта и засиял белозубой улыбкой.

Обед подходил к концу. Люди начали покидать зал ресторана, молча кивая на ходу командиру и мне. Скоро мы остались вдвоём. Арнольд Иванович широко зевнул и сказал:

– Мы в пути уже два с половиной часа. Через тридцать минут будем на месте.

– Быстро добрались, – удивился я. – Неужели вы так близко от нас?

Арнольд Иванович пожал плечами.

– Да в общем-то рядом, каких-нибудь двадцать парсеков.

– Сколько?!

Арнольд Иванович снова улыбнулся.

– Николай Николаевич, ваша наивность не знает пределов. Мы ведь летим со сверхсветовой скоростью. Вы хоть понимаете, что это значит?

– Н-нет... – обалдело пробормотал я, потрясённый услышанным.

– То-то. Ну что такое три часа? Так, пустяк. Для нас слетать на Землю – это всё равно, что для вас съездить в местную командировку. Всё рассчитано по минутам, трасса изучена досконально, полётом управляют компьютеры. – Арнольд Иванович на мгновение задумался. – Вот помню, когда я сдавал экзамены на права пилота звёздного корабля, мне достался учебный полёт в Пятнадцатую Галактику к малоизученной планете с кристаллическими формами

жизни. Целых четыре месяца мы неслись к месту назначения!.. Да-а, давненько это было... Э-эх, времечко летит... А то и по два года летали. А вы говорите – три часа!

Затуманенный алкоголем мозг соображал туго. Я замотал головой, пытаюсь стряхнуть с себя винный дурман. Сознание того, что в данный момент я, старший инженер Нерусский Н. Н., опережая свет, несусь сквозь звёздные миры навстречу неизвестности, леденило мою душу. Хорошее настроение мигом улетучилось.

– Опять вы за своё, – укоризненно покачал головой Арнольд Иванович. – Я же вам обещал, что всё будет хорошо. Или вы мне не верите?

– Я домой хочу, – жалобно, словно заблудившийся щенок, заскулил я.

– Будете вы дома, клянусь. Ну что вы снова раскисли?

Я сник и тупо уставился в пустую тарелку. Командир порывисто поднялся.

– Вставайте! – сурово произнёс он. – Нам пора собираться.

А полчаса спустя космический корабль бросил якорь на своём родном космодроме.

Глава четвёртая

Большое Колесо встретило нас духотой и полным невниманием к моей персоне. По простоте душевной я рассчитывал на толпы восторженных инопланетян, приветственные речи официальных лиц, обилие цветов и тосты с шампанским, но ничего подобного я не увидел. Всё было обыденным и подозрительно земным. Окинув взглядом участок космодрома, принявший наш звездолёт, я обнаружил, что мы здесь не одни. Весь космодром представлял собой огромное поле, на котором, словно гигантские шахматные фигуры, стояли невиданные космические аппараты. Вернее, не стояли, а находились в непрерывном движении: кто-то взлетал, кто-то садился, а кто-то отползал, освобождая место для более ретивого коллеги. Кучки существ, описывать которых я не берусь в силу отсутствия необходимых слов и понятий в русском языке, способных передать их внешность, то и дело грузились в готовые к отлёту корабли или, наоборот, выгружались из только что прибывших. Рядом с нашим звездолётом, буквально вслед за нами, плюхнулся, подняв столб пыли, старый ржавый космический самовар. Как только пыль несколько улеглась, из него вытекли три бесформенные вязкие существа и, хлюпая по взлётно-посадочной полосе, потекли в сторону небольшого серого здания, видневшегося у самой кромки лётного поля. Туда-то и повёл меня Арнольд Иванович, не менее моего озадаченный отсутствием встречающих. Он поминутно извинялся, озирался по сторонам и кого-то высматривал.

– Хороши, нечего сказать, – ворчал он недовольно. – Не могли встречу организовать. Дело первостепенной важности! – передразнил он кого-то. – Хорошо дело и хороша важность, коли никто даже пальцем не пошевелинул...

В этот момент на космодром вылетел длинный, сверкающий чёрным лаком, автомобиль, стрелой промчался по нему и, взметнув к небу инопланетную пыль, замер у наших ног.

– Ну, наконец-то, – облегчённо вздохнул Арнольд Иванович. Из автомобиля выпрыгнул запыхавшийся молодой человек в распахнутом пальто и поспешно направился к нам. Я понял, что это за мной.

Меня отвезли в третьесортный отель (во всех отелях более высших сортов, как мне сообщил позже мой проводник, разместилась многочисленная делегация, прибывшая на Большое Колесо из смежной Галактики по обмену опытом в области мелиорации и осушения болот на заражённых каким-то ужасным вирусом планетах Малого Эллиптического Кольца). Первые три дня моего пребывания на Большом Колесе оказались весьма и весьма насыщенными. Меня таскали по каким-то экскурсиям, концертам, выставкам, действующим вулканам, сеансам эротического танца, от которых меня бросало то в краску, то в жар; масса новых впечатлений вливалась в мой мозг, не успевая там усваиваться и создавая полнейшую неразбериху в мыслях. Мой проводник – тот самый, встретивший меня на космодроме – неотлучно следовал за мной на протяжении всех трёх дней, предупреждая все мои желания и прихоти; не забывал он, конечно же, и о культурной программе, все пункты которой я обязан был выполнить по воле неведомого мне составителя. Ни у кого на планете я не вызывал ни интереса, ни даже тени любопытства. Или туземцы уже привыкли к подобным посещениям, или я, действительно, был очень похож на них – настолько, что они принимали меня за своего. Надо заметить, что я не выдерживал никакой конкуренции с многочисленными представителях иных миров, которые группами или в одиночку сновали по пластиковым тротуарам города, вызывая восхищение и поражая воображение местных жителей. Каких уродов здесь только не было: и рогатые, и многомерные, и шарообразные, и в виде медуз, осьминогов и даже горных козлов! Не удивительно, что на их фоне я выглядел серо, незаметно и буднично. Впрочем, я к матушке-природе претензий не имел: лучше быть двуруким, двуногим и об одной голове, нежели липкой, рыхлой, оплывшей, бесформенной тушей какой-нибудь медузы. Что же касается самой планеты, то она

на меня впечатления не произвела. Планета как планета, ничего такого, о чём бы стоило здесь упоминать. Арнольд Иванович оказался прав: Большое Колесо, действительно, как две капли воды походило на Землю, и лишь незначительные мелкие детали, характерные для местной цивилизации, а также флоры и фауны, отличали её от моей далёкой родины. Признаюсь честно: поначалу я решил было, что Арнольд меня дурачит и что никакое это не Колесо, а самая обыкновенная Земля, но потом сомнения мои рассеялись, и я признал себя инопланетным гостем.

Три дня наконец пролетели.

На четвёртый день я предстал перед Советом. Что это был за Совет и чем он занимался, я так и не понял, но одно было несомненно: сей орган обладал неограниченной властью и почитался на планете чуть ли не за Бога.

Меня ввели в просторный зал, увешанный портретами седобородых старцев и мудрецов всех рангов и толков. Посередине зала стоял П-образный стол, за которым восседало человек тридцать, не меньше. Это и был Совет в полном своём составе.

– Подойдите ближе, – сухо прозвучал под высокими сводами зала голос человека, сидящего во главе стола.

Я повиновался.

– Вы – Николай Николаевич Нерусский, житель планеты Земля системы звезды Солнце?

Голос человека в центре стола звучал теперь торжественно и властно. Пряди его длинных седых волос волнами ниспадали на узкие плечи, а глаза буравили стоявшего перед ним землянина так, что мне стало щекотно, и я непроизвольно заёрзал.

– Будьте добры ответить на поставленный вопрос, – нетерпеливо прозвучал всё тот же голос. – Вы – Николай Николаевич Нерусский, житель планеты Земля?

– Да.

Человек с седыми волосами – по-видимому, это был глава Совета – встал, вобрал в тощую грудь побольше воздуха и возвестил:

– Многоуважаемый гость! Позвольте от имени Совета и всего нашего Большого Колеса поприветствовать в вашем лице первого человека с планеты Земля, ступившего на нашу территорию. Мы рады засвидетельствовать вам и всем землянам своё искреннее расположение.

Я ответил что-то невпопад, после чего слово взял другой член Совета, молодой человек в пенсне и с маузером на боку.

– Прежде чем приступить к делу, – начал он, – я от имени здесь присутствующих и от себя лично приношу вам, гражданин Нерусский, наши извинения за пленение и насильственное отторжение вас от вашей планеты.

Члены Совета одобрительно зашумели, а я, робея, словно абитуриент на вступительных экзаменах, махнул рукой и пробормотал, что, мол, бывает, чего уж там...

– Но важность предстоящего эксперимента, по мнению Совета, – продолжал молодой человек в пенсне, – дала нам право столь вольно распорядиться вашей судьбой. Ведь вам, гражданин Нерусский, предстоит сыграть в этом эксперименте не последнюю роль. Что же это за эксперимент? Объясню в двух словах. Как вам уже известно, на Большом Колесе люди обладают способностью читать мысли собеседника, и эта способность стала у нас чем-то вроде шестого чувства наряду со зрением, осязанием, обонянием, вкусом и слухом. Я не буду сейчас читать вам лекцию о достоинствах и широких возможностях телепатического способа обмена информацией – об этом вам довольно подробно сообщил наш многоуважаемый и легендарный пилот-межзвёздник Арнольд Иванович – честь ему и хвала. Разговор сейчас не о нём. Дело в том, что на Земле этой способностью почти никто не обладает, а те единицы, которым телепатия всё-таки доступна, используют её от силы на пять процентов. Так вот, гражданин Нерусский, Совет решил временно наделить вас способностью читать чужие мысли, а затем транспортировать на Землю с тем, чтобы там вы смогли проявить эту способность в среде себе подобных. Наши учёные, занимающиеся социологией и психологией инопланетных цивилиза-

ций, проведут анализ вашего поведения, после чего мы лишим вас способности к телепатии. Реакция среднего жителя Земли на шестое чувство – вот что нас интересует в этом эксперименте. Надеюсь, гражданин Нерусский, вам не надо объяснять, какую власть над людьми даст вам способность проникать в тайны чужих мыслей. Ваши действия будут фиксироваться и контролироваться нашими наблюдателями, на основании полученной информации будут сделаны соответствующие выводы. Вам же остаётся просто жить и поступать сообразно обстоятельствам и велениям вашей совести. Но помните! Каждый ваш шаг будет воспроизводиться на экранах дисплеев нашей околоземной орбитальной станции. В нужный момент к вам придут наши представители и завершат эксперимент. Имеются ли у вас к Совету вопросы, гражданин Нерусский?

– Имеются, – ответил я, с трудом приходя в себя после всего услышанного здесь, – и не один. Во-первых, почему вы не спросили моего согласия на проведение этого вашего эксперимента? Во-вторых, сколько вы ещё продержите меня здесь? И наконец, в-третьих, почему ваш выбор пал именно на меня? Чем я так примечателен, чем выделяюсь из общей массы землян?

– Отвечаю, – произнёс молодой человек в пенсне. – Предупреждать вас заранее о готовящемся эксперименте и тем более спрашивать вашего согласия на его проведение Совет не счёл нужным.

– Но позвольте...

– Повторяю: не счёл нужным, – жёстко произнёс член Совета, повышая голос. – Вас вполне должны удовлетворить извинения, принесённые вам Советом. Рекомендую вам счесть этот акт за великое благодеяние, оказанное высшим органом власти нашей планеты безвестному инопланетянину, то есть вам. Прошу не перебивать, пока я не отвечу на все вопросы!.. Далее, по поводу вашего возвращения. Я думаю, четырёх дней хватит, по истечении этого срока вас отправят обратно на Землю. Теперь по поводу вашей кандидатуры. Вы интересуетесь, чем вы выделяетесь из общей массы землян? В том-то и дело, что ничем. Именно потому вас и выбрали, что вы ничем не отличаетесь от среднего жителя Земли. Вы – ничем не примечательная личность, без острых углов и, как у вас говорят, без особых примет. Вы – типаж. Вы – усреднённая величина. Может быть, это и не очень лестно для вас, но именно благодаря комплексу ваших достоинств и недостатков выбор Совета пал на вас. Вас вычислили. Сначала создали модель «среднего» человека, а потом уже подобрали под неё конкретного индивидуума, то есть вас, гражданин Нерусский. Наши учёные интересуют поведение именно «среднего», обобщённого человека, а вы как раз являетесь типичным представителем земной расы.

Нет, каковы, а? Я – ничем не примечательная личность! Выбрали, вычислили, смоделировали, усреднили, обобщили – осталось только проинтегрировать меня по всей поверхности – и дело в шляпе, можно подавать на стол. Однако, обидно всё-таки слышать подобное, да ещё из уст каких-то...

– Гражданин Нерусский, – грозно прогремел один из членов Совета, мощный мужчина неопределённого возраста и с большой серьгой в ухе, – вы всё-таки отдавайте себе отчёт в своих мыслях. Мы лишь передаём вам результаты статистических данных, а не личное своё отношение к вашей персоне. Имейте это в виду.

– Далее, – невозмутимо продолжал молодой человек в пенсне, – оговорим организационную сторону предстоящего эксперимента. В последующие четыре дня...

...В последующие четыре дня я подвергся мощному натиску инопланетной науки. Меня обследовали, изучали, облучали, усыпляли, а затем будили, помещали в какие-то аппараты и часами держали там, снова облучали, снова усыпляли – и так без конца.

На седьмой день моего пребывания на Большом Колесе в лабораторию, где меня только что разбудили после предварительного усыпления, порывисто влетел молодой член Совета в пенсне и с маузером на боку.

– Собирайтесь, – торопливо начал он, – ваш визит к нам подошёл к концу. Через час Арнольд Иванович будет ждать вас на борту своего звездолёта, чтобы отбыть к Земле. А я вас жду в машине. Поторопитесь. – И вышел.

«Так, – подумал я с волнением. – Наконец-то. А то мне всё это уже стало изрядно надо-еждать. Утомили меня, надо сказать, своими экспериментами. Интересно, я уже стал телепа-том?»

А через полтора часа я, удобно устроившись в кресле, уже сидел в каюте Арнольда Ива-новича и нёсся сквозь звёздные миры со сверхсветовой скоростью к родной Земле.

Арнольд Иванович, с любовью глядя на пассажира, улыбался. На столике между нами стояла початая бутылка армянского коньяка.

– Жаль мне с вами расставаться, Николай Николаевич, привязался я к вам. Скучать буду.

– А вы прилетайте к нам, – предложил я. – Я вас с женой познакомлю.

– Нельзя, – печально произнёс командир. – Мы для вас не существуем. Кстати, вас про-инструктировали насчёт неразглашения?

– Да... – отмахнулся я. – Что-то такое говорили, не помню уже.

– Нет-нет, Николай Николаевич, – горячо запротестовал Арнольд Иванович, – отнеситесь к этому серьёзно. Это тайна для всех землян, понимаете? Для всех землян без исключения, даже для жены. Иначе вас ждут неприятности.

– Это что, угроза? – насторожился я.

Арнольд Иванович печально покачал головой.

– Мне очень жаль, что вы поняли меня превратно, – ответил он. – Я надеялся, что наши с вами отношения создали атмосферу большего доверия, но видно ошибся. Жаль, очень жаль.

– Но и вы меня поймите! – вспыхнул я. – Что-то там решили за моей спиной, втянули в какую-то авантюру, а теперь ещё навязали выполнение жёстких условий. Я ведь всё-таки человек, а не рыба бессловесная!

– Давайте выпьем, – неожиданно предложил Арнольд Иванович. – Я ведь вас понимаю, дорогой мой Николай Николаевич, и даже более того – разделяю отчасти ваше мнение. Дей-ствительно, Совет взял на себя право решать за вас и даже не поинтересовался вашим мнением на этот счёт. Это, конечно, его недоработка. А во всём виновата спешка: дел у них невпрово-рот, хватаются за всё сразу, пытаются, как сказал ваш земляк, объять необъятное, – вот и воз-никают у них конфликты с людьми, которых они привлекают для работы, из-за своей некор-ректности и даже грубости. Ну а в случае с вами Совет, видно, исходил из того, что мы намного обогнали вас по уровню развития и с вами как с разумными существами вообще считаться не стоит. Некрасиво, конечно. Поэтому от имени всех моих земляков я приношу вам извинения за попрание ваших прав и свобод. Принимаете?

– Принимаю, – ответил я и поднял рюмку с коньяком. – За вас, Арнольд Иванович. А за Совет пить не буду. Не хочу.

– Зря, – возразил Арнольд Иванович. – Мужики-то они, в общем-то, ничего, и головы у них светлые, а главное – они всегда всё делают правильно. А насчёт угроз вы не правы. Ника-ких угроз не было. Просто сохранение тайны является непременным условием выполнения эксперимента. Это не более как рекомендация, при невыполнении которой эксперимент тут же прерывается, и нашим людям придётся устранять последствия вашей болтливости. Вот и всё... Да плюньте вы на это! Вас одарили великолепной способностью, вы радоваться должны – ведь вы летите домой!

– Радоваться, радоваться, – проворчал я, вертя в руке пустую рюмку. – Я целую неделю дома не был, и на работе – ни слуху, ни духу. Да это же ЧП! Ещё бы, человек исчез! Небось, вся милиция на ноги поднята. И вдруг я заявлюсь! Представляете, что будет? Светопреставление! Вопросы всякие, таскать начнут... Где был? Что делал? Почему? А уважительная причина? А справка от врача? Жена теперь съест...

Арнольд Иванович порывисто вскочил и, радостно потирая руки, забежал по комнате.

– Пустяки! – заорал он. – Николай Николаевич, какие же это пустяки! И не возражайте! Я вам всё устрою в лучшем виде. Когда вы должны были вернуться домой?

– В прошлое воскресенье, семь дней назад. Я обычно на оба выходных за город подаюсь, рыбку поудить. А что?

– Всё! Договорились! В прошлое воскресенье, вечером, вы будете дома. Клянусь!

– Вы всё шутки шутите, – обиделся я, – а мне, Арнольд Иванович, не до шуток сейчас.

– Какие шутки! – орал командир звездолёта. – Вы забываете, с какой скоростью мы летим! Со сверхсветовой! Понимаете? Да при таких скоростях мы не только уплотнить или растянуть время можем, а даже в прошлое слетать! Приказывайте – высадим вас в любой точке пространства и времени.

– Вы это серьёзно? – спросил я недоверчиво.

– Абсолютно!

Я поднялся и расправил плечи. С них словно гора свалилась.

– Ну тогда – о'кей! – довольный поворотом дела, произнёс я. – Честно говоря, меня этот вопрос больше всего тревожил. Как, думаю, встретят меня на Земле после недели отсутствия? Жена, знаете ли, работа... Такая могла петрушка завертеться, что только держись. А раз так – то совсем другое дело. Раз так – то жить можно.

Арнольд Иванович счастливо улыбался.

– Опять мы о пустяках! – воскликнул он. – Давайте поговорим о главном. Ведь вы ещё не продемонстрировали вашей способности к телепатии.

– А ведь верно! – спохватился я.

– Тоже мне. Вот попробуйте узнать, что я о вас думаю. Знаете, как это сделать?

– Да, что-то такое говорили... Нужно усилием воли заставить себя прочесть мысли выбранного мною человека и...

– Всё правильно, – нетерпеливо перебил меня Арнольд Иванович. – Читайте! Ну же!

Я набычился, сдвинул брови, засопел и, выпучив глаза, уставился на Арнольда Ивановича. Тот, хитро прищурившись, ухмылялся. Я попытался сосредоточиться, «настроился на волну» командира звездолёта и вдруг почувствовал, как в мой мозг вливается что-то чужое, не моё, и это чужое – мысли Арнольда Ивановича.

Я, словно экстрасенс, считывал его мысли, которые гласили:

«Нерусский Николай Николаевич. Разумное белковое существо гуманоидного типа на низшей стадии развития. Житель планеты Земля, звезда Солнце. Среднего роста. Возраст – 42 года. В большинстве вопросов – дилетант. Много знает, но знания поверхностные, чему виной, в частности, их система образования. Пристрастен к спиртным напиткам, но не алкоголик. Работает, но интереса к работе не испытывает. Добросовестен и исполнительен, но в то же время инертен и малоактивен. В душе, а иногда и вслух, возмущается существующими порядками и даже, как ему кажется, готов действовать, но никогда не действует. Неглуп, но умом не блещет. Месячный доход – 180 рублей. С трудом, но хватает, хотя ни о каких сбережениях и речи быть не может. Двухкомнатная квартира. Женат, есть взрослый сын. Жену, в общем-то, любит, но скорее по инерции. Никаких потрясений в жизни, кроме смерти матери. Не лишён чувства собственного достоинства, хотя предпочитает стерпеть и снести обиду, нежели дать отпор обидчику...»

– Хватит! – скомандовал Арнольд Иванович.

Я вздрогнул и очнулся, тупо уставившись на собеседника.

– Ну что, похож портрет? – загадочно улыбаясь, спросил он.

– Н-да, – промямлил я, отводя глаза в сторону. – Похож, в общем-то... Только слишком уж...

– Откровенно?

– Д-да, – смущённо ответил я. – Слишком уж. Кстати, – внезапно я изменил тон на подозрительный и пристально посмотрел ему в глаза, – а откуда вы всё это обо мне знаете?

– Вот чудак! Да от вас же самого! – воскликнул Арнольд Иванович. – Перекачал информацию из вашей головы в свою, переработал, отбросил всё лишнее, обобщил и – пожалуйста! – портрет готов. Знаю, знаю, Николай Николаевич, вы скажете, что сами о себе так не думаете. Верно, не думаете. Но ваша память, в которой я изрядно покопался, содержит такое обилие различных фактов, характеризующих вас с той или иной стороны, что мне осталось только обобщить их и составить исчерпывающую вашу характеристику. Здорово, правда? Работать с голыми фактами тоже надо уметь. Бывает, изрядно попотеешь, прежде чем извлечёшь из мыслей собеседника то, что тебя интересует... Да вы не смущайтесь, Николай Николаевич, на Земле вас никто «просвечивать» не будет, там, наоборот, каждый человек будет у вас как на ладони. Пойдёмте лучше ужинать, время уже подошло.

Ужин произвёл на меня благоприятное впечатление, как, впрочем, и вся инопланетная кухня. Арнольд Иванович в ожидании скорой разлуки был особенно разговорчив и обходителен. Обладая способностью читать мысли, он предупреждал любое моё желание. Он искренне жалел, что приходится расставаться со своим новым другом, дважды в его глазах показывались слёзы. Пытаясь заглушить горечь предстоящей разлуки, он усиленно налегал на коньяк, так что к концу ужина его изрядно развезло. Я же, растроганный столь откровенным проявлением чувств со стороны инопланетянина, старался не отстать от хозяина и вскоре тоже как следует захмелел.

– Коля, я хочу выпить за тебя! – еле ворочая языком, произнёс Арнольд Иванович и в очередной раз наполнил рюмки. – И за нашу будущую встречу!

– Арнольд Ив... ик! – я, кажется, икнул, – Иваныч... Арнольд-дик! Дай я тебя поцелую...

Я встал и, шатаясь, потянулся через весь стол к своему другу, но случайно задел бутылку, и та с грохотом упала на пол, разбившись на мелкие кусочки.

– К счастью! – завизжал я и смахнул со стола всё остальное.

– Молодец! – одобрил мой поступок Арнольд Иванович, похлопав меня по плечу. – Так держать!.. Всё, Коля, нам пора, скоро Земля. Слышите, гражданин, вам на следующей выходить!

– Не хочу на Землю! – заорал я дурным голосом. – Хочу всю жизнь летать на твоей посудине! Ты мой лучший друг, Арнольд. Нет, ну кто бы мог подумать, что среди этих, как их... – я ткнул пальцем вверх, не найдя нужного слова, – попадают такие отличные мужики! Ну дай я тебя поцелую, Арнольдик! Арноша!..

Мы обнялись и, качаясь словно при восьмибалльной качке, дуэтом пропели «Только пашка казаку во степи подруга...», сорвав аплодисменты у экипажа звездолёта.

Прошло четверть часа. В иллюминаторе появился голубой контур земного шара. В каюту командира, где готовый к высадке сидел я, ворвался запыхавшийся Арнольд Иванович с огромной охапкой голубых роз.

– Вот, возьми! – крикнул он с порога. – Ничего, кроме цветов подарить не имею права. Это тебе на память. Они долго стоят, недели две, а то и больше, если ласков с ними будешь. А пахнут как, а? На, бери. У нас в оранжерее их много.

– Спасибо, Арнольд, – всхлипнул я, принимая роскошный букет, – огромное тебе спасибо.

– Ну всё, – сказал он, – пора на выход.

– Как, уже прилетели? – удивился я.

– А то как же. Взгляни! – И Арнольд Иванович подвел меня к иллюминатору.

Освещаемый огнями звездолёта, внизу медленно проплывал ночной лес. Вдали виднелись огни большого города.

– Москва, – пояснил Арнольд Иванович.

– Фантастика! – восхищённо воскликнул я.

– Тебя куда высадить?

– У дома, разумеется. Если не трудно.

– Ничуть. Твой адрес я знаю, – Арнольд Иванович хитро подмигнул, – подглядел в твоей памяти. Сейчас, погоди, отдам команду. – И он исчез за дверью.

Мне было грустно. Не хотелось расставаться с этим космическим чудаком. Настоящих друзей у меня не было, поэтому, наверное, так влекло меня к этому человеку, от которого веяло теплом и искренностью. Не беда, что он с другой планеты. Разве это главное? Был бы человек настоящий, а голые надбровные дуги или порт приписки его космического корабля – разве это имеет значение? Это такой пустяк, о котором и упоминать не следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.